

ВИКТОР
ПЕЛЕВИН
ДПП (НН)

ДИАЛЕКТИКА
Переходного Периода
из Никоткуда в Никкуда

Виктор Пелевин

**Македонская критика
французской мысли**

«ФТМ»

2003

Пелевин В. О.

Македонская критика французской мысли / В. О. Пелевин — «ФТМ», 2003 — (Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда)

ISBN 978-5-457-10653-6

Герой повести – философ-бизнесмен Насых Нафиков, который с детства мучается вопросом о том, куда попадают души после смерти, – и приходит к выводу о том, что после смерти души людей обращаются в деньги (подобно тому, как умершие доисторические организмы превратились в нефть) и отбрасывают тень на жизнь общества, которое пользуется этими деньгами. Герой стремится оградить Европу от черных энергий из России. «По плану [Нафикова], чтобы восстановить нарушенный баланс энергий на европейском пространстве, следовало организовать обратный вывоз капитала из Европы в Россию, пусть даже символический. Но этот капитал обязательно должен был быть функцией человеческого страдания – только это гарантировало магической операции-прививке успех». Поэтому он строит под Парижем «завод страдания», который позволяет энергию мучений народа, заключенную в российских деньгах и российской нефти, хотя бы частично реэкспортировать из Европы обратно в Россию.

ISBN 978-5-457-10653-6

© Пелевин В. О., 2003

© ФТМ, 2003

Содержание

Виктор Пелевин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктор Пелевин МАКЕДОНСКАЯ КРИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ МЫСЛИ

*Любая концепция формирует основу для дуалистического
состояния ума, а это создает дальнейшую сансару.*

Тулку Ургьен Ринпоче

Во всей вселенной пахнет нефтью.
Вильям Джеймс

По социальному статусу Насых Нафиков, известный друзьям и Интерполу как Кика, был типичным «новым русским» эпохи первоначального накопления кармы. По национальности он, правда, не был русским, но назвать его «новым татаринном» как-то не поворачивается язык. Поэтому лучше обойдемся без ярлыков и просто расскажем его жуткую и фантазмагорическую историю, которая заставила некоторых впечатлительных людей, знакомых с делом по таблоидам, окрестить его Жиль де Рецем нашего времени.

Нафиков родился в Казани, но вырос в Европе. Его ранние дни – время, когда формируется скелет личности, – проходили сначала в англоязычных садиках, а затем в космополитических школах для детей дипломатов. Кика на всю жизнь запомнил стишок, висевший в одном из таких заведений над умывальником:

We condemn in strongest terms.
Dirty nails that harbour germs! ¹

Неподконтрольные родителям впечатления детства сформировали Кику скорее европейцем, чем «евразийцем», как называл себя его отец, очень любивший этот термин и часто примерявший его на сына. Сыну же это дикое слово казалось обозначением человека, который, будучи в ударе, может сойти за азиата в Европе и за европейца в Азии. Сама же Евразия, о которой часто рассуждал отец, представлялась ему чем-то вроде виртуальной Атлантиды, утонувшей в портвейне задолго до его появления на свет.

В момент рождения сына Насратуллы Нафиков был крупным партийным бонзой в Татарстане; в момент своей смерти – нефтяным магнатом, успешно обменявшим партийную ренту на природную. Он слег от удара, узнав о правительственном решении то ли сократить какие-то квоты, то ли поднять какие-то отчисления. Но ему не дали умереть своей смертью – прямо в палате больницы его добил снайпер. Шептались, что это был сам Александр Солоник, прозванный Шурой Македонским за свой необыкновенный талант к стрельбе по-македонски – с двух рук не целясь. Загуляв и поистратившись в Казани, он якобы взял халтурку, чтобы поправить дела. В пользу этой версии говорило то, что на чердаке соседнего с больницей дома нашли бельгийскую винтовку калибра 5,45, той самой модели, на которой знаменитый художник-ликвидатор всегда останавливал свой выбор в подобных обстоятельствах. Против нее говорило то, что Солоника убили в Афинах задолго до описываемых событий. Стоит ли говорить, что именно по последней причине народ в эту версию верил.

Кика Нафиков плохо понимал в российских реалиях и не до конца уяснил, что явилось настоящей причиной трагедии. По настоянию отца он изучал философию в Сорбонне, но имел и некоторую экономическую подготовку. Он мог разобраться во всем, касающемся отчислений и квот. Но, как объяснил печальный гонец с родины, причина на самом деле

¹ Мы осуждаем в самых сильных терминах Грязные ногти, дающие приют микробам.

была в том, что отец «взял за яйца серую лошадку», чего делать не следовало, поскольку «крыша в углу кусается». Кика, пораженный колдовской силой русского языка, который он знал немного хуже английского с французским, не стал углубляться в подробности.

Нафикова-старшего многие жалели: при всей своей деловой оборотистости он был хорошим человеком – одним из тех странных советских идеалистов, причина появления которых в СССР навеки останется загадкой мироздания.

Смерть отца, которая совпала с завершением образования, сделала Нафикова-младшего богатым человеком – очень богатым, по меркам любой страны. Поколесив по Европе, Кика осел во Франции, на Кап Ферра, где покойный евразиец еще в советские времена ухитрился каким-то образом заевразировать небольшую виллу. Постройка в стиле «пуэбло» была кубом песчаного цвета с прозрачной крышей – она выглядела бы уместней где-нибудь в Альбукерки, Нью-Мексико. Высокая ограда скрывала ее от нескромных взглядов, и видна она была только со стороны моря. Семь бронзовых слоников работы Церетели, которых Нафиков-старший в ельцинскую эпоху установил на спуске к воде (самый большой весил столько же, сколько танк «тигр», это Кика помнил с детства), были утоплены в Средиземном море командой рабочих, получившей от сына щедрое вознаграждение за работу в ночное время. Дело было не в Кикином равнодушии к искусству. Он подозревал, что эти зверюшки были для отца чем-то вроде противотанковых ежей, призванных защитить от натиска реальности. Тем серьезней был повод уволить их за профнепригодность.

Трудно сказать наверняка, когда началась душевная болезнь Кики. Слухи о том, что он тронулся головой, впервые пошли из-за новшества, которое он ввел на своей вилле. В каждой комнате, даже в небольшом спортзале с покрытым пылью универсальным тренажером, похожим на уэллсовского марсианина, было установлено по телевизору, с утра до вечера крутившему детский канал немецкого телевидения «Кика», передававший в основном мультфильмы. Никаких других программ телевизоры не показывали. Многие считали, что именно этой странности Кика и обязан своим прозвищем.

Нафиков-младший не знал немецкого языка, и в подвальной комнатке было оборудовано место для синхрониста, который непрерывно переводил все, что показывал телеканал. К концу дня синхронист уставал и начинал сбиваться, но Кика не расстраивался по этому поводу, потому что ошибки иногда выходили смешными. Вскоре, однако, пришлось нанять второго переводчика и разбить вахту на две смены, потому что один синхронист не справлялся. Тогда приятель Кики придумал угощать переводчиков какими-то амстердамскими таблетками, вызывавшими у них путаницу в мыслях и сбивчиво-бредовое многословие. Перевод стал выходить очень потешным, и к Кике стали специально ездить в гости на этот номер. Синхронисты поняли, что от них требуется, и, выторговав прибавку за вредность производства, смирились. Обкуренные гости Кики называли одного синхрониста Урим, а другого Туммим – по аналогии с небесными камнями-переводчиками из мормонской библии.

По другим сведениям, прозвище «Кика» появилось у Нафикова значительно раньше, еще во время изучения философии в Париже. Эту кличку якобы дал ему научный руководитель, полагавший, что подлинное понимание философии пробуждается в ученике только тогда, когда он беззаветно принимает в себя пламя, пылающее в наставнике. Конкретная технология передачи священного огня показалась пришельцу из российской глубинки несколько неожиданной, но стремление к утонченному европейскому идеалу оказалось сильнее смущения и стыда. Так, во всяком случае, вспоминал Зураб (Зизи) Мердашвили, покойный философ, вместе с которым Нафиков обучался *любомудрию* (в сочинении, о котором пойдет речь ниже, Кика возводит этимологию этого термина не к выражению «любовь к мудрости», а к словам «любой мудака»).

Воспоминания покойного Зизи, нигде не задокументированные и дошедшие до нас только в устном пересказе, – слишком зыбкая опора для утверждений, которые могут иметь юридические последствия. Поэтому не будем называть профессора, у которого обучался Кика. Он еще жив, и его громкое имя известно не только в профессиональных кругах. Ограничимся намеком: речь идет о философе, которого в последние годы позиционируют в качестве секс-символа мыслящей французской женщины от сорока пяти до шестидесяти лет.

Повторим – мы не можем утверждать, что однокурсник Нафикова говорил правду. Но трудно не заметить, что его слова объясняют многое – и привязанность к телеканалу «Кика», и болезненную, с четким знаком «минус», одержимость Нафикова французской философией, обличение которой стало главной страстью его жизни. Хочется добавить: все это было бы смешно, когда бы не было так страшно. Но перед тем как перейти к страшной части этой истории, закончим со смешной – потому что одно перетекает здесь в другое постепенно и незаметно.

Кика полагал себя мыслителем, намного превзошедшим своих французских учителей. Это видно уже из названий его первых сочинений: «Где облажался Бодрийар», «Деррида из пруда» и тому подобное. Сказать что-нибудь по поводу этих текстов трудно – неподготовленному человеку они так же малопонятны, как и разбираемые в них сочинения великих французов. Отзывы же людей подготовленных туманны и многословны; напрашивается вывод, что без сорбоннского профессора с его инъекцией священного огня невозможно не только понять что-нибудь в сочинениях Нафикова, но даже и оценить их профессиональный уровень. «Гениальный недоумок», «звездное убожество» и прочие уклончивые эпитеты, которыми Нафикова награждали привлеченные Интерполом эксперты, не только не помогли следствию, а наоборот, совершенно его запутали, создав ощущение, что современные философы – это подобие международной банды цыган-конокрадов, которые при любой возможности с гиканьем угоняют в темноту последние остатки простоты и здравого смысла.

Название самой известной работы Кики – «Македонская критика французской мысли», – несомненно, отражает его семейную драму и намекает на Сашу Македонского, легендарного убийцу Нафикова-старшего. Это сочинение, которое становится по очереди воспоминаниями о детстве, интимным дневником, философским трактатом и техническим описанием, – странная смесь перетекающих друг в друга слоев текста, с первого взгляда никак не связанных друг с другом. Только при внимательном прочтении становится видна кошмарная логика автора и появляется возможность заглянуть в его внутреннее измерение – возможность уникальная, поскольку маньяки редко оставляют нам отчет о ходе своих мыслей.

Философская часть «Македонской критики» – это попытка низвергнуть с пьедестала величайших французских мыслителей прошлого века. Мишель Фуко, Жак Деррида, Жак Лакан и так далее – не обойдено ни одно из громких имен. Названием работа обязана методу, которым пользуется Кика, – это как бы стрельба с двух рук, не целясь, о чем он говорит в коротком предисловии сам. Достигается это оригинальным способом: Кика имперсонирует невежду, никогда в жизни не читавшего этих философов, а только слышавшего несколько цитат и терминов из их работ. По его мысли, даже обрывков услышанного достаточно, чтобы показать полную никчемность великих французов, и нет нужды обращаться к оригиналам их текстов, тем более что в них, как выражается Кика, «тупой ум утонет, как утюг в океане г-на, а острый утонет, как дамасский клинок».

При этом Кика стремится сделать свой пасквиль максимально наукообразным и точным, уснащая его цитатами и даже расчетными формулами. Подход был бы, возможно, интересен, если бы критик-невежда, которым притворяется Кика, не был таким отчетливым французским философом. Увы, неподготовленный читатель при знакомстве с философскими пассажами «Македонской критики» неизбежно почувствует себя чем-то вроде утюга

в ситуации, упомянутой Нафиковым. Все претензии, которые Кика предъявляет французам, могут быть точно так же обращены к нему самому.

Вот, например, как он сравнивает двух философов, Бодриера и Дерриду:

«Что касается Жана Бодриера, то в его сочинениях можно поменять все утвердительные предложения на отрицательные без всякого ущерба для смысла. Кроме того, можно заменить все имена существительные на слова, противоположные по значению, и опять без всяких последствий. И даже больше: можно проделать эти операции одновременно, в любой последовательности или даже несколько раз подряд, и читатель опять не ощутит заметной перемены. Но Жак Деррида, согласится настоящий интеллигент, ныряет глубже и не выныривает дольше. Если у Бодриера все же можно поменять значение высказывания на противоположное, то у Дерриды в большинстве случаев невозможно изменить смысл предложения никакими операциями».

Бросается в глаза, что особое раздражение Кики во всех случаях вызывает Жан Бодриер, часто называемый «Бодриером» – по аналогии с термином «симулякр» (которым Кика чудовищно злоупотребляет в «Македонской критике», оговариваясь, правда, следующим образом: «Читатель понимает, что слово «симулякр», как его употребляю я, есть всего лишь симулякр бодриеровского термина «симулякр»). Раздражение легко объяснить – именно Бодриер стоял у истоков открытия, которое сделало Кику преступником, но, как он полагал, поставило далеко впереди всех современных мыслителей.

Ненависть Нафикова к Бодриеру – это интеллектуальный эдипов комплекс. Он проявляется в желании уничтожить идейного предшественника, магически перенеся на него судьбу отца, испытавшего на себе всю мощь македонской критики. Дерриде с Соссюром пришлось отдуваться просто за компанию. Но здесь от смешного мы начинаем переходить к страшному.

Расколошматив своих идейных наставников из двух стволов, Кика задумчиво вопрошает: почему вообще существует французская философия? Его ответ таков – это интеллектуальная погремушка, оплачиваемая транснациональным капиталом исключительно для того, чтобы отвлечь внимание элиты человечества от страшного и позорного секрета цивилизации.

Кика полагал, что был первым, кто увидел этот секрет во всей его жуткой простоте. Зародыш, из которого родилась его мания, мирно дремал в книге Бодриера «Символический обмен и смерть». Мы приведем эти роковые слова чуть позже: чтобы понять реакцию, которую они вызвали в Кике, надо представить себе гремучую смесь, находившуюся в его сознании к этому моменту. Сделать это несложно – в «Македонской критике» он уделяет воспоминаниям много места, предвкушая, видимо, внимание историков.

Начинает он с рассказа о том, какую роль сыграла в его жизни нефть. Еще мальчиком он понял, насколько от нее зависит благосостояние семьи, – и отреагировал по-детски непосредственно. На стене кабинета Нафикова-старшего долгие годы висел рисунок сынишки: некто зловещего вида, похожий не то на Синюю Бороду, не то на Карабаса-Барабаса, держит над запрокинутым лицом круглый сосуд с контурами материков, из которого в рот ему льется тонкая черная струйка. Снизу разноцветными шатающимися буквами было написано: «ПАПА ПЬЕТ КРОВЬ ЗЕМЛИ». Рядом висел другой интересный рисунок – сделанный из замерзшей нефти снеговик с головой Ленина (из-за того, что усы и борода Ильича были нарисованы белым по черному, снеговик больше походил на Кофи Аннана). Под снеговиком был стишок, написанный мамой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.